

Глава 13. Праздник середины осени

Когда Чэнь Цин вышел из переулочка, он с трудом ориентировался. Ему нужно было попасть в лавку, где продавали только благовония, свечи и жертвенные деньги. Поскольку такие лавки не стояли на главной дороге, Чэнь Цин опустил голову и направился к окраине города.

Он почти дошёл до тихой улочки, когда кто-то потянул его за рукав. Сердце у него ёкнуло. Прежде чем юноша успел отреагировать, тёплая волна накрыла его руку.

Чэнь Цин опустил взгляд и увидел два горячих мясных баоцзы, завернутых в вощёную бумагу. Всё ещё немного ошарашенный, он поднял голову и увидел высокую фигуру на конце улицы.

Это был Чжоу Юань.

Чэнь Цин уставился на два больших мясных баоцзы в руках, не зная, стоит ли их есть. Чжоу Юань купил ему баоцзы...Но знает ли об этом Ли Синь?

Два баоцзы стоили четыре медяка. Следовало ли потом вернуть Чжоу Юаню деньги при Ли Сине?

Повозившись с сомнениями, Чэнь Цин всё же опустил голову и принялся есть. Каждый баоцзы в городе стоил два медяка. Один был почти с его лицо величиной. Тесто просто идеальное — мягкое, воздушное, с трещинок тянулся аромат масла. В начинке были и побеги бамбука, жевалось особенно приятно. Неудивительно, что они стоили два медяка.

Съев один, Чэнь Цин аккуратно спрятал другой за пазуху — хотел принести его матери.

Вскоре он нашёл лавку, где продавали благовония, свечи и жертвенные деньги. До праздника середины осени оставалось всего два дня, поэтому внутри толпились покупатели. У него зачесалась кожа от одного вида этой суеты. Он долго ждал у дороги, пока народ немного не разошёлся, и только тогда вошёл купить нужное.

Заняло это немало времени. С покупками за спиной он вышел обратно на главную улицу, не зная, что делать дальше. Пока юноша стоял, задумавшись, Ли Синь неожиданно вывел его из оцепенения.

— Почему так долго покупал? — Ли Синь посмотрел на его свёртки. — Это всё?

Чэнь Цин кивнул:

— До праздника середины осени два дня. Я купил кое-что для него.

— Ты так скучаешь по Мэн Тао? — Ли Синь посмотрел странно.

— Разве так и не должно быть? — спокойно ответил Чэнь Цин. — Ты всё купил?

Ли Синь приехал в город лишь за лекарствами для матери. Он их уже приобрёл и теперь ждал Чэнь Цина.

Чэнь Цин хотел было спросить про баоцзы, но удержался.

— Тогда поедем обратно? — предложил он.

— Поехали.

Они подошли к бычьей повозке, стоявшей на городской стоянке, и увидели Чжоу Юаня, сидевшего рядом и ждавшего их.

Чэнь Цин думал, что Чжоу Юань уже уехал, прошло ведь столько времени. Никто не ожидал, что тот так долго будет ждать их.

Обратно они ехали тоже втроём. Чэнь Цин держал в руке четыре медяка, не понимая, отдавать ли деньги Чжоу Юаню и знает ли Ли Синь, что тот купил ему баоцзы. Если Ли Синь не знает, то... в общем, он боялся, что разговор о деньгах может повлиять на их отношения.

Ли Синь взглянул на Чэнь Цина, взял его за руку, разжал ладонь и увидел четыре медяка:

— Зачем тебе деньги в руках?

Чжоу Юань тоже повернул голову.

Чэнь Цин опустил взгляд и тихо пробормотал:

— Да так...

— Это за повозку, — сказал Чжоу Юань. — Я обычно плачу, когда езжу.

Чэнь Цин посмотрел на него. Почему-то ему показалось, что в словах Чжоу Юаня прозвучала насмешка.

— Нет, это не за повозку, — сказал он.

Ли Синь взглянул на них обоих и сказал Чэнь Цину:

— Тогда оставь себе.

— ...

Дорогу обратно они почти не разговаривали. Когда повозка остановилась у входа в деревню, Ли Синь прыгнул вниз:

— А-Цин, я зайду к тебе после обеда.

Когда Ли Синь ушёл, в повозке остались только Чэнь Цин и Чжоу Юань.

Чэнь Цин протянул руку, раскрывая ладонь с четырьмя медяками.

— Это за те мясные баоцзы, что ты купил мне. Ли Синь раньше сидел в повозке, а я боялся...

— Боялся чего? — Чжоу Юань не взял деньги, но ответил спокойно.

— А? Ну... Ли Синь... ты... — Чэнь Цин долго мялся, так и не находя слов. Наконец, собравшись с духом, он схватил руку Чжоу Юаня, вложил туда монеты, прыгнул с повозки и, подхватив рюкзак, умчался.

Чжоу Юань опустил глаза на деньги в руке и едва не рассмеялся от досады.

Когда Чэнь Цин вернулся домой, тётушка Сун потянула его в сторону, расспрашивая о прошедшем дне. У него в голове стояла пустота, и он только пробормотал:

— Они там вместе продавали дичь...

Тётушка Сун улыбнулась:

— Ну и хорошо.

Чэнь Цин вспомнил про баоцзы и поспешно протянул ей:

— Мам, вот... мясной баоцзы.

— Ох, ты для меня купил? Ты уже ел? Ты что, все деньги потратил? Потом дам тебе немного на карманные расходы, — тётушка Сун редко ела большие мясные баоцзы из города. Обычно никто не стал бы тратить на такое лишние деньги.

— У меня ещё осталось, — тихо сказал Чэнь Цин, глубоко вздохнув. — Я немного полежу у себя.

— Иди, иди.

Чэнь Цин только лёг у себя в комнате, как тут появился Чжоу Юань. Тётушка Сун, увидев его, улыбнулась чуть насмешливо:

— О? Что случилось? Прямо светишься весь. Говорят же, от радости человек и правда светится.

Чжоу Юань нахмурился:

— С чего бы такая радость?

— Это ты меня спрашиваешь? Сам и расскажи, — тётушка Сун хмыкнула, всё так же улыбаясь.

— Что случилось?

— Скоро праздник середины осени. Сегодня ездил в город за благовониями, свечами и жертвенными деньгами, но всё раскупили.

Тётушка Сун взглянула на покупки Чэнь Цина:

— Возьми у нас. А-Цин столько всего купил, что и тебе хватит.

— Спасибо, тётушка.

Женщина добавила:

— Он это на свои карманные деньги купил. Сказал, что хотел сделать что-то для Таоцзы.

Чжоу Юань: ...

Лицо Чжоу Юаня не изменилось, но он достал из кармана четыре медяка.

— Я ел баоцзы утром и увидел, что он не завтракал. Купил ему два мясных баоцзы, но он настоял вернуть деньги. Тётушка, передайте ему обратно.

Тётушка Сун растерялась. Она посмотрела в сторону комнаты, чувствуя неловкость.

— Паровые баоцзы же дешевле мясных...

— Тогда вспомните обо мне в следующий раз, когда будете делать паровые, — сказал Чжоу Юань, передавая ей монеты. Он вынул из маленького рюкзака Чэнь Цина благовония, свечи и жертвенные деньги. Затем положил тётушке ещё немного денег и ушёл, не дав ей времени отказаться.

Тётушка Сун знала, что Чэнь Цин — чувствительный мальчик, поэтому ничего ему не сказала. Она занялась подготовкой к жертвоприношению на пятнадцатый день седьмого месяца.

В этот день, на праздник Чжунъюань, в деревне Лохэ по традиции проводили важные обряды.

Утром тётушка Сун встала пораньше, чтобы зарезать курицу. Чэнь Цин подогревал воду рядом. Он смотрел, как она держит петуха и ножницами перерезает ему горло. Кровь тонкой струёй вытекала наружу.

Он втянул голову в плечи, подставляя миску, чтобы собрать кровь.

В котле кипела вода. Он половником перелил кипяток в деревянное ведро. Затем тётушка Сун окунула туда курицу, и ошпаренная, она легко ошпывалась.

Перьев не выбрасывали. Чэнь Цин собрал их, постирал в реке и разложил сушиться на бамбуковом гребне. Летом они быстро высыхают.

Их семья редко забивала птицу, раза два или три за пять лет, так что мешочек для перьев у Чэнь Цина был совсем небольшой.

После того как курицу ошпарили, тётушка Сун выпотрошила её и вынула внутренности. Она сложила их в миску, промыла кишки, желудок, сердце и печень, а затем обжарила всё это с квашеной капустой, приготовив ароматную лапшу с куриными потрохами.

Пока тётушка Сун готовила курицу, Чэнь Цин на корточках рядом очищал её внутренности. Куриные кишки были тонкие, поэтому он использовал бамбуковую палочку, чтобы вывернуть их наизнанку и промыть как следует. Снаружи желудок был покрыт плотной плёнкой, её он аккуратно снял и отложил сушиться, ведь она считалась лекарственным сырьём.

Когда Чэнь Цин закончил работу, курица уже сварилась.

После варки когда-то мягкая тушка стала плотной. Тётушка Сун аккуратно приподняла её голову. На тарелке она выглядела такой же живой и бодрой, как при жизни.

Эту курицу предстояло отнести в горы и положить на могилу Мэн Тао как главное подношение.

После подношения её можно будет съесть.

До возвращения Мэн Тао они никогда не зарезали курицу к поминкам. Обычно покупали у мясника кусок свинины — это считалось равноценным. Но в этом году поклониться нужно было уже Мэн Тао. Сердце тётушки Сун сжималось от боли по сыну.

Собрав всё, они отправились в гору. В тот день многие семьи делали то же самое, так что дорогу можно было пройти всем вместе.

— Сначала к старику Мэну или к Мэн Тао? — спросила тётушка Лю. Её семья сначала собиралась на могилы предков.

— Конечно, к старику Мэну. Он отец. Как можно поклоняться сыну раньше отца? — ответила

тётушка Сун.

Чэнь Цин шёл за ними, не торопясь и не отставая, его рюкзак висел за спиной.

Когда они подошли к могиле старика Мэна, она оказалась заросшей бурьяном. Чэнь Цин ничего не делал — только смотрел, как тётушка Сун с покрасневшими глазами берёт топор и медленно расчищает сорняки вокруг могилы.

Она убирала траву и говорила, а Чэнь Цин слушал с тяжёлым сердцем.

Тётушка Сун вспоминала прошлое, говорила о настоящем и будущем. Чэнь Цин был рядом, помогал жечь благовония и бумагу.

Когда догорел последний огонёк, тётушка Сун вытерла глаза и направилась к могиле Мэн Тао.

Могилы Мэн Тао была новой, сорняки здесь ещё не успели взойти. Чэнь Цин положил перед ней курицу и вместе с тётушкой Сун зажёл благовония.

Он тоже должен был что-то сказать Мэн Тао, как делала тётушка Сун, но они едва знали друг друга, да и говорить он не умел. Он не знал, что сказать, поэтому молчал.

Увидев, что сын хранит молчание, тётушка Сун заговорила сама. Она подчеркнула, что все благовония в этот день купил Чэнь Цин, надеясь, что Мэн Тао благословит его с небес.

Чэнь Цин только улыбался и соглашался — так, мол, и положено.

В тот день многие поднимались в горы, чтобы совершить подношения и сжечь бумагу. Деревенский староста заранее напомнил всем, что уходить можно только после того, как пламя полностью погаснет. Чэнь Цин ждал у обочины, пока угли не остыли, и лишь потом спустился с горы вместе с тётушкой Сун.

Тётушка Сун не стала ждать других родственников, которые говорили, что тоже поднимутся поклониться. Все знали, где находится могила Мэн Тао, так что собираться вместе не было необходимости.

Говорить никто не был расположен, поэтому, проходя мимо, люди лишь быстро кивали и шли дальше.

Тётушка Сун посмотрела на упитанную курицу, завёрнутую в одеяло, и улыбнулась:

— Благодаря тем двоим сегодня поедим как следует.

Чэнь Цин тоже улыбнулся.

Но едва их улыбки успели оформиться, как дверь скрипнула и открылась.

Улыбка тётушки Сун застыла и мгновенно помрачнела.

— Ты чего здесь делаешь? — холодно спросила она.